

ятные столкновения и давая душе какое-то радостное спокойствие, так как истинная благовоспитанность неразрывно связана с любовью к ближнему и полным отсутствием эгоизма»¹. При этом гендерная проблематика оставляет право говорить о возрастающем напряжении в отношениях между мужчиной и женщиной и о возрастающей роли женщины в обществе, где светский этикет жестко отводил им второстепенную роль через барьеры в общении. Стремление стать равной мужчине ломало эти барьеры и требовало новых знаний и наработок.

«Поступки людей, их взаимоотношения, всегда конкретны, имеют свое частное, особенное содержание, за ними стоят определенные и вполне достаточные для совершения данных поступков эмпирические мотивы»². Для русско-дворянского общества XIX в. речевой этикет давал нравственную оценку содержанию поступков каждого из его членов. С одной стороны — жесткие рамки каждой модели коммуникации повседневной культуры этого общества облегчали взаимопонимание внутри сообщества, а с другой — делали недоступными для понимания поступки для представителей других сообществ. Разработанная моральная концепция (кодекс чести дворянина) предыдущим поколением дворян была направлена на высшее благо, как идея духовного совершенствования. Именно такая форма речевого этикета для русско-дворянского общества представлялась им наиболее продуктивной и жизнеспособной для придания этой социально-культурной среде нравственно абсолютного смысла.

Сократ как умелый игрок в мяч (Заметка об одной древней форме прикладной этики)

Косых М. П.

С кем и чем только ни сравнивали Сократа: с сатиром и силеном, с полым изваянием, скатом, оводом, фазаном и павлином, жертвенным бараном, декадентом. В этой заметке обращается внимание на уподобление Сократа в «Беседах Эпиктета» (II, 5, 18-20)

¹ Светозарская К. Светский человек. Л., 1991. С. 7.

² Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М., 1998. С. 23.

умелому игроку в мяч. В качестве мяча в его «игре» на суде выступает — «жить, быть закованным, выпить яд, лишиться жены, оставить детей сиротами»¹. Во все это Сократ играет слаженно, как и другие умелые игроки, для которых «не имеет значения, что представляет собой мяч, благо или зло, а имеет значение, как бросать и ловить его» (II. 5,15). Предлагается обращаться с любым предметом внешнего мира «не принимая его, а, каким бы он ни был, показывая искусное обращение с ним». Главным жизненным делом оказывается разграничение вещей, поиски блага и зла «внутри, в моем», а не в «чужом» и заботливое пользование, «потому что пользование не безразлично, и вместе с тем стойко и невозмутимо, потому что предмет безразличен» (II. 5, 4–7). Сочетание и совмещение заботы испытывающего привязанность к предметам и стойкости не обращающего на них внимания представляется трудным, но не невозможным.

Кроме упомянутой «игры» в суде можно рассмотреть и другие «игры», приписываемые Сократу, чтобы по примеру цicerоновских «Парадоксов стоиков» попытаться сделать более понятными мысли, которые в общих рассуждениях кажутся несколько неясными, раскрывая их на «жизнеописаниях великих мужей». При этом историческая надежность таких жизнеописаний не является такой уж важной. Важно уяснить, в чем же состоит умение и как оно может или могло бы проявляться. Например, в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта сообщается, что Сократ приучил душу и тело к образу жизни, который «был таков, что при нем всякий проживет безмятежно и безопасно, если только по воле богов не произойдет чего-нибудь необыкновенного» (I. 3, 5)². Голод служил ему приправой к еде, он употреблял столько пищи, «сколько мог съесть с аппетитом» и «не пил, если не чувствовал жажды», а также легко воздерживался от чрезмерного пресыщения. Тем, кто испытывал затруднения в воздержании от пресыщения, он советовал «избегать таких кушаний, которые соблазняют человека есть, не чувствуя голода, и пить, не чувствуя жажды»: это, говорил он, вредит желудку, голове и душе» (I. 3, 6). В отношении употребления вина, которое

¹ Здесь и далее «Беседы...» цитируются по изданию – Беседы Эпиктета. Изд. подгот. Г. А. Таронян. М.: Ладомир, 1997.

² Ссылки на «Воспоминания о Сократе», «Пир» и «Домострой» приводятся по — Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб.: Изд-во АО «Комплект», 1993.

усыпляет печали и будит веселье, также провозглашается умеренность. Если выпить сразу много, «то скоро и тело и ум откажутся служить», а если пить понемногу, «тогда вино не заставит нас силой быть пьяными, а убедит прийти в более веселое настроение» (Пир. 2, 24–26). Что касается запахов, то «один приличен мужчине, другой женщине». Душистое масло для мужчин кажется не подходящим, подходит оно и не всем женщинам. Использование душистого масла приводит к тому, что одинаково пахнет и от раба, и от свободного, «а для запаха от трудов, достойных свободного человека, нужен прежде соответственный образ жизни и много времени, чтобы этот запах был приятным и достойным свободного человека» (Пир. 2, 3). Мужчины, даже не занимающиеся гимнастическими упражнениями, должны пахнуть «добродетелью». На вопрос, где же берут эту «мазь», дается ответ, что не у торговцев благовониями, а, пользуясь словами Феогида, «У благородных добру ты научишься» (там же). Кроме того, Сократу приписывается совет воздерживаться от любви к красавцам и указания на трудности во владении собой в общении с ними и опасности превращения в раба, трат на вредные удовольствия, а также на то, что не будет времени заботиться о прекрасном и придется «усердно заниматься такими вещами, какими не станет заниматься и сумасшедший» (Воспоминания. I. 3, 11). Отмечается, что «по отношению к любовным увлечениям он держался того мнения, что люди, не чувствующие себя в безопасности от них, должны направлять их на то, чего без большой потребности тела, душа не примет и что, при появлении потребности, хлопот не доставит (Воспоминания. I. 3, 14). И сам он был «хорошо вооружен против таких увлечений» и легко держался «в отдалении от самых красивых и спелых».

Воздержание, таким образом, представляется «основой добродетели», без него невозможно «приобрести какие-нибудь полезные знания» (Воспоминания. II. 5, 6). С точки зрения Сократа, «только воздержанные могут задаваться высокими целями и, разделяя как делом, так и рассуждением предметы по родам, хорошим отдавать предпочтение, а дурных избегать» и поступая так, «люди становятся высоконравственными, очень счастливыми и весьма способными к диалектике» (Воспоминания. IV. 5, 11–12). Невоздержный же человек оказывается злодеем для других и для себя, на него нельзя положиться ни в военных действиях, ни в воспитании малолетних, ни в сбережении имущества и ведении хозяйства. Невоздержность удаляет от человека высшее благо — мудрость, мешает устремлять

внимание на полезное, отвлекает к наслаждениям и побуждает «отдавать предпочтение худшему перед лучшим, отнимая разум», а также препятствует власти над собой (Воспоминания. IV. 5, 6–7). Она мешает наслаждаться необходимыми и доступными удовольствиями, поскольку не дает терпеть голод, жажду, любовные желания, бессонные ночи, через претерпевание которых «только и можно с удовольствием есть, пить и предаваться любви, с удовольствием отдыхать и спать... когда все это станет приятным в самой высокой степени» (Воспоминания. IV. 5, 9).

На упрек в том, что он выступает учителем злополучия и подает дурной пример своим образом жизни, при котором довольствуется скверной едой и питьем, одним скверным плащом, ходит босой и без хитона, Сократ отвечает предложением рассмотреть, так ли печальна и тяжела его жизнь, как кажется критику. Он указывает на то, что употребляет пищу не менее доступную, здоровую и прибавляющую сил, чем тот, кто хулит его образ жизни. Его продукты питания для него не менее вкусные, ведь «кому хочется есть, тому очень мало надобности в лакомых блюдах, и кому хочется пить, тот чувствует очень мало потребности в напитке, которого у него нет» (Воспоминания. I. 6, 5). Плащи меняют «по случаю холода и жары», а обувь надевают «чтобы не было препятствий при ходьбе от предметов, причиняющих боль ногам». Сократ, «приучивший тело упражнениями ко всяким случайностям», все переносит легко и не сидит дома больше других из-за холода и не ссорится в жару из-за тени. Причиной того, что он «не раб чрева, сна, сладострастия» оказываются «другие, более интересные удовольствия, которые доставляют отраду не только в момент пользования ими, но и тем, что подают надежду на постоянную пользу от них в будущем» (Воспоминания. I. 6, 8). Больше всего удовольствия получается «от сознания того, что и сам совершенствуешься в добронравии и друзей делаешь лучше» и этому способствует именно сократовский образ жизни, оставляющий больше досуга, позволяющий довольствоваться тем, что есть или легкодоступным. По мнению Сократа, «не иметь никаких нужд есть свойство божества, а иметь нужды минимальные — это быть очень близким к божеству; но божество совершенно, а быть очень близким к божеству — это быть очень близким к совершенству» (Воспоминания. I. 6, 10).

В отношении к богам предлагается поступать по обычаю родного города и просить даровать добро, «ибо боги лучше всех знают,

в чем состоит добро». Сам он приносил небольшие жертвы, «потому что и средства у него были небольшие», и говорил, что богам «не было бы присуще совершенство, если бы они большим жертвам радовались больше, чем малым: в таком случае часто дары порочных людей им были бы угоднее, чем дары хороших» (Воспоминания. I. 3, 3). Боги, создающие «живые существа, разумные и самодеятельные» заслуживают восхищения и большого почитания. Они заботятся о своих творениях, дали людям прямое положение, ловкие руки, речь, круглогодичные утехи любви до старости и «душу самую совершенную», способную «принимать меры предосторожности против голода, жажды, холодов, жара, бороться с болезнями, развивать силу упражнениями, работать над изучением чего-либо, помнить все, что услышит, увидит, изучит» (Воспоминания. I. 4, 13). Кроме того, «люди живут как боги, уже благодаря своему природному строю далеко превосходя животных и телом и душой» (Воспоминания. I. 4, 14). Возможно, служение богам позволяет также узнать, захотят ли они «давать советы о чем-нибудь неизвестном людям», и понять их могущество и попечение, подобно тому, как оказывая услуги людям, делая им приятное и советуясь, узнают, кто готов оказывать услуги, делать приятное и обладает умом.

Прекрасный совет «приноси по достатку» распространяется и на другие жизненные обстоятельства: и на отношение к друзьям, и к чужеземным гостям. Хороший друг оказывается при сравнении с любой вещью «гораздо ценнее всякой», между тем многие люди заботятся о друзьях кое-как (Воспоминания. II. 4, 5–7). При допущении «цены на друзей» следовало бы «каждому испытать, насколько дорог он друзьям и стараться быть как можно дороже, чтобы друзья не так легко ему изменяли» (Воспоминания. II. 5, 4). При этом возникает соблазн «плохого друга продать, когда появляется возможность получить больше, чем он стоит», подобно тому, как хозяин желает продать плохого слугу. Плохим другом представляется тот, кто одержим страстями вроде чревоугодия, пьянства, сладострастия, сонливости, лени и не способный делать, что нужно для себя и друзей, а также мот, которому не хватает своих средств, не могущий вернуть долг и ненавидящий дающего. Плох и тот, кто умеет копить, но жаден до денег, любит брать, а отдавать не хочет и не находит времени ни на что, кроме поживы. Сюда же относится и «склочник, имеющий обыкновение доставлять друзьям массу врагов» и неблагодарный (Воспоминания. II. 6, 1–4). Хороший же друг, которого и нужно выбирать, «воздержан в чувственных удовольст-

виях и вместе с тем верен клятве, обходителен, когда нужно, нетерпим к тем, кто не помнит благодетелей, и вообще полезен в товариществе» (Воспоминания. II. 6, 5). До сближения с ним нужно убедиться в том, что он и «прежним друзьям делал добро», скорее всего, он сумеет обращаться так и с другими. Для привлечения друзей следует применять некие «волшебные напевы» и «любовные зелья», вроде тех, что использовал Перикл и, «напевая их согражданам, внушал любовь к себе» (Воспоминания. II.6,10–13). При этом надо заботиться о том, чтобы хвалебные напевы были правдивыми и слушатель не счел их насмешкой, да и самому надо стать на деле хорошим человеком, поскольку вряд ли «можно быть дурным человеком и приобрести хороших друзей». От природы у людей есть дружественные и враждебные чувства, дружба преодолевает препятствия и соединяет нравственных людей. Люди могут владеть умеренным состоянием и воздерживаться от войны за то, чтобы «быть хозяевами всего», без горя делиться едой и питьем, честно владеть деньгами сообща, помогать друг другу, улаживать споры, предоставлять имущество, оказывать поддержку, приносить пользу отечеству. Выгоднее всего и для государственного деятеля, и для простого человека заручиться дружбой лучших людей, стараться самому быть хорошим и ловить нравственных людей. Также из соображений взаимной выгоды, по-видимому, предлагается не пренебрегать общественными делами, если есть возможность способствовать их улучшению: «Если они будут идти хорошо, то от этого будет немалая польза не только всем гражданам, но, в частности, и друзьям твоим и тебе самому» (Воспоминания. III. 7, 9). Причем польза от друзей может быть и в форме совета, обучения, охраны и попечения (см. Воспоминания. II. 7, 1–14). Сократ говорит, что любит друзей, учит их хорошему, знакомит с другими, от которых они могут позаимствовать что-нибудь полезное для совершенствования, читает вместе с ними книги древних мудрецов, заимствует полезное и считает, как и его друзья, большой выгодой, что они становятся друг другу дороги.

В связи с этим отводится еще один упрек в том, что он не берет за свои беседы денег, которые доставляют радость при приобретении и «дают возможность жить и пристойнее, и приятнее», видимо, потому, что не считает эти беседы ценными. Но, по его мнению, поскольку «из красоты и знаний можно делать равно благородное и гнусное употребление», то продающего свою красоту кому угодно за деньги называют распутником, а нравственным — делающего своим

другом влюбленного благородного и хорошего человека. Сходным образом и продающих свои «мудрости» за деньги кому угодно, подобно блудницам, называют софистами, а о заметившем в человеке хорошие способности и обучающем его всему хорошему, что знает сам, и делающем его своим другом, думают, что «он поступает как следует доброму гражданину» (Воспоминания. I. 6, 13). Сократ, по видимому, полагает, что отдает и получает что-то более ценное, чем деньги. К тому же, он, не получая денег, не обязан говорить с кем не хочет, «тогда как берущим деньги поневоле приходится исполнять работу, за которую они получают плату» (Воспоминания. I. 6, 5). В его представлении, он достаточно богат и его состояния хватает на то, чтобы иметь все в достаточном для него количестве. Однако если что-нибудь понадобится, у него есть люди, способные оказать помощь: «Так что даже совсем ничтожные пожертвования с их стороны произвели бы потоп в моей жизни» (Домострой. 2, 8). Вероятно, Сократ знает средство к обогащению — умеет «жить так, чтобы оставался излишек», в его случае — «излишек от немногого». Тем не менее, он отказывается, например, от управления хозяйством, поскольку сам «никогда не пользовался состоянием, на котором я мог бы изучить хозяйство, и никто другой не давал мне управлять» и не мог «дойти до умения пользоваться чем-нибудь подобным» (Домострой. 2, 11–13). Он может указать людей более искусных и сведущих в этом и других делах и поделиться своим наблюдением, что «от одного и того же занятия люди бывают одни чрезвычайно бедны, а другие чрезвычайно богаты» и «кто занимается делом кое-как, тот... терпит убыток; а кто с напряженным вниманием заботится о нем, тот исполняет его и скорее, и легче, и прибыльнее» (Домострой. 2, 18). А кроме того, посоветовать не быть невежественным в избранном деле и заботиться об обучении других, например, жены, как участницы хозяйства. Сократ советует мужу учить жену благу не только для хорошего ведения домашнего хозяйства (Домострой. 3, 11) но и вообще учить ее «тем занятиям, которые желал бы в ней видеть» (Пир. 2, 9).

По этому поводу умение Сократа-воспитателя может ставиться под сомнение, к примеру, упреком в том, что он живет с Ксантиппой, самой сварливой женщиной и не воспитывает ее. На это он отвечает, что, «желая быть в общении с людьми, взял ее себе в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне легко будет иметь дело со всеми людьми», подобно тому, как желающие быть хорошими наездниками берут не самых смиренных, а горячих лошадей

(Пир. 2, 10). По-видимому, от общения с ней он тоже получает пользу еще и в виде детей, а также упражнения терпения и невозмутимости. Когда она ругает его и окатывает водой, он отшучивается: «У Ксантиппы сперва гром, а потом дождь» и воздерживается от драки, когда среди рынка она рвет на нем плащ, а друзья советуют защищаться кулаками, он отвечает: «Зачем? Чтобы мы лупили друг друга, а вы покрикивали: “Так ее, Сократ! Так его, Ксантиппа!”?» (Диоген Лаэртский. 2, 36–37)¹. Терпеливому отношению к сварливости Ксантиппы он учит и сына, напоминая о необходимости уважения и отплаты благодарностью за оказанные матерью благодеяния и перенесенные ею претерпевания (Воспоминания. I, 2).

Можно, наверное, и здесь руководствоваться разумной достаточностью, в данном случае воспитательных усилий, или, если они оказываются неэффективными, относить их объект к «внешнему», «безразличному», считать его «мячом», который нужно не изменять, а отбивать, ловить или как-то использовать. Правда, возникают некоторые затруднения в применении конструкции «благо-зло-безразличное». Ведь чужая добродетель или порок это все-таки не «безразличное», коль скоро добродетель — благо, а зло — порок. Но если сосредоточиваться исключительно на «моем», то «внешними» будут и чужие добродетели, и чужие пороки, соответственно становящиеся «предпочитаемыми» и «избегаемыми». Тогда можно пытаться подсчитывать «цену друзей» и «цену Ксантиппы». Вероятно, цена Ксантиппы достаточно высока, чтобы оставаться с ней, к тому же Сократ говорит, что он «к ней привык, как к вечному скрипу колеса» (Диоген Лаэртский. 2, 36). Конечно можно, наверное, привыкнуть и к пороку, но вряд ли эту привычку следует считать полезной. Что-то подобное оказывается применимым и к себе самому, коль скоро среди Сократовых советов есть совет: «Испытать, насколько дорог ты друзьям, и стараться быть как можно дороже». Такая самооценка в некотором смысле сдвигает «себя» в «безразличное», но позволяет в себе самом увидеть «ценное» и «неценное», «предпочитаемое» и «избегаемое» и заняться самовоспитанием. Впрочем, «несдвигаемой» оказывается сама способность различения-разумения, которая и остается собственно добродетелью-благом, а все остальное превращается в предмет заботливого и, по возможности, умелого использования. Умение может свестись к пользованию своими «представлениями», но может

¹ Приводится по — Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.

проявляться и во «внешнем», в том числе и в воспитании «внешних» добродетелей. В этом смысле умелость Сократа как «игрока», наверное, нужно оценивать, принимая во внимание не только «игры», но и «мячи», с которыми он имел дело. Можно упрекать его, что он не выиграл в суде «обед в Пританее», не нажил денег, не перевоспитал Ксантиппу и тому подобном, и, вероятно, получать ответ, что был выигрыш чего-то более ценного, было получено более значимое богатство, некий «нравственный капитал» и друзья, которые при нужде могут конвертироваться и в богатства внешние, и умение управляться с желаниями и потребностями, заводить и поддерживать дружбу, вести диалектические беседы. Наверное, такая форма прикладной этики приемлема и сегодня, и не только в качестве «заботы о себе», но и как необходимая часть и даже базовый уровень всякой прикладной этики, без которого «этические кодексы» остаются бессильными наборами правил поведения.

Этика в университетской традиции в России XVIII-XIX вв.*

Овчинникова Е. А.

Первые представления об этике как определенном знании, науке «ифике», были связаны на Руси с именем Аристотеля, который воспринимался прежде всего как «философ нравоучительны». Его имя встречается в «Изборниках», «Пчеле». Аристотелю часто приписывались нравоучительные высказывания, афористические суждения, вошедшие в обиход народного сознания нравоучительные поговорки и пословицы. В некоторых афоризмах Аристотелю приписывались наставления в христианских добродетелях¹. В XVI в. упоминание об Аристотеле встречаем у Андрея Курбского, который пишет о своем знакомстве с текстами аристотелевских сочинений: «Прочитах, рассмотрях физические и обучахся и навыкох еттиче-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00550).

¹ См.: Семенов В. Древнерусская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893.